

*Александр
Тамоников*

**ЛЕСНАЯ
АРМИЯ**

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Лесная армия / Александр Тамоников. — Москва :
Эксмо, 2019. — 288 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-106620-8

Летом 1944 года советское командование начало готовить операцию по освобождению Белоруссии. Во время инспекции прифронтовой полосы в засаду попадает начальник мехкорпуса генерал-майор Серов. Избежать гибели генерала удалось только благодаря контрразведчикам майора СМЕРШ Павла Кольцова. При расследовании обстоятельств нападения выяснилось, что диверсанты действовали двумя группами. Одна была уничтожена во время боя, а вот куда направилась вторая — неизвестно. Кольцов пытается организовать преследование. Но вместо лазутчиков неожиданно обнаруживает куда более серьезную опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106620-8

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

8 июня, 1944 год.

В квадрате 22—16 о войне ничто не напоминало. Солнце жарило в зените, что-то вкрадчиво нашептывал ветерок. Стрижи в лазоревом небе выделяли фигуры высшего пилотажа. Молодой осинник плавно перетекал в березняк.

Светлый околок разделяла проселочная дорога. Она выбегала на опушку, змеилась вдоль редкого леса и вновь пропадала за деревьями. На пеньке сидела белка с пушистым хвостом, держала в лапках сухой сморчок. Внезапно наострилась, замерла, забегали бусинки глаз. Из леса донесся неясный гул.

Мирную идиллию нарушила колонна армейской техники, выезжающая из леса. Возглавляла ее бывалая полуторка с отделением автоматчиков. Покачивались головы в стальных шлемах. За грузовиком шел «ГАЗ-61» — с усиленной решеткой радиатора и внушительным дорожным просветом. В машине помимо водителя сидели двое.

Замыкал колонну «ГАЗ-64» с вырезами в боковинах кузова. Машиной управлял молодцеватый лейтенант в заломленной на затылок пилотке. Рядом с ним сидел скуластый русоволосый майор. Он внимательно наблюдал за меняющейся обстановкой. Сзади развалился капитан лет тридцати пяти —

в очках, с удлинённым постным лицом. Он снял фуражку, и луч солнца коснулся глубоких залысин, взбирающихся на макушку. Офицер потел, то и дело вытирал голову платком. Полдень бил все рекорды: лето едва началось, а уже превращалось в пекло.

Машины переползли ухабы. За спиной осталось расположение артиллерийского полка. Часть дислоцировалась на западной опушке протяжённого осинника. Маскировкой генерал-майор Серов остался доволен. Гаубицы и 76-мм орудия зарывали в землю, маскировали ветками и дерном, личный состав перемещался по узким траншеям, с воздуха ничего не было видно. Немецкие самолеты-разведчики появлялись в небе почти каждый день.

Охранение тоже выставили грамотно — нарушителю пришлось бы пересечь три полосы защиты. Перемещения людей и техники производились только ночью. Прифронтовая полоса скрытно уплотнялась войсками. Подразделения рассредоточивались в складках местности — в двух-трех километрах от переднего края.

В мае замедлилось наступление на Украине, войска закреплялись на занятых рубежах. В Ставке приняли решение сменить направление главного удара. Наступление готовилось в Белоруссии. Ставилась задача: добиться максимальной внезапности. Подготовка держалась в строгой тайне. В эфире — режим радиомолчания. Телефонные переговоры запрещались даже в закодированном виде. Все приказы отдавались лично. На передовой активно велись земляные работы — создавалась видимость подготовки к обороне. Минные поля не снимали, удаляли лишь

взрыватели с мин. Противнику внушалось, что удар будет нанесен в районе украинского Ковеля — с направлением на северо-запад, а далекая Белоруссия тут вообще ни при чем...

На 15-километровом участке, между населенными пунктами Грезинка и Мозлов, позиции занимал механизированный корпус генерал-майора Серова. Объединение полностью укомплектованное, плюс приданный танковый полк и три стрелковых батальона. В штате корпуса — три механизированные и одна танковая бригады, дивизион реактивной артиллерии, минометный полк, зенитные части, артиллерия, полк самоходных артиллерийских установок, истребительно-танковый полк, части обеспечения и обслуживания. Вся эта армада находилась в ближнем тылу, а на переднем крае — лишь несколько батальонов, занятых земляными работами. До наступления оставалось чуть больше недели...

В упомянутом квадрате советских войск не было. Досадный, но вынужденный пробел. К западу — низина с топами, на востоке, до райцентра Старополочк, где дислоцировался штаб корпуса, — поля с перелесками, в которых трудно замаскировать даже роту. К северу, за пересохшей речушкой, снова чаща, там стояли подразделения 4-й отдельной механизированной бригады. Туда и вела проселочная дорога.

Колонна пересекла поляну, дребезжащий мостик над высохшей речушкой. Слева простирался хвойно-осиновый лес, справа — поляны, островки кустарника, за ними — светлый лиственник. Инспекционная поездка командира корпуса была в разгаре.

Подобные проверки проводились неоднократно, но сегодня он выехал лично, взяв с собой лишь начальника топографического отдела и офицеров контрразведки.

Последние сидели в замыкающей машине. Двигатель работал, как сердце больного аритмией — мерно гудел, потом начинал подрагивать, слышались перебои. Чертыхался молодцеватый водитель с погонами лейтенанта.

Кузов задрожал, из капота потянулся дымок. Кашлянул майор Кольцов, с интересом посмотрел на лейтенанта Левицкого, управляющего машиной.

— А что сразу я, товарищ майор? — обиделся лейтенант. — Я вам что, механик с довоенным стажем? Что было, то и дали. Этой телеге в обед сто лет. Донашиваем после пехоты. Новые 67-е и штатовские «Виллисы» нам не выделяют, хотя обязаны, учитывая специфику нашей работы...

Двигатель проявлял признаки тяжелого недомогания. Машина дернулась и встала.

— Знаете, товарищ лейтенант, — вкрадчиво сказал Кольцов, — мы — мирные люди, но я не знаю, что сейчас будет, если твоя керосинка не заведется! — ему пришлось повисить голос.

Левицкий лихорадочно мучил стартер. «Старая шарманка» визжала, кашляла, потом случилось чудо: двигатель затарахтел, сцепилось, что надо, в коробке передач, и транспортное средство поехало. Левицкий поддал газу, чтобы догнать «эмку», победно глянул на командира.

— Вот так-то лучше, — проворчал Кольцов и обернулся. На заднем сиденье молчали. Очень

странно. Для острого на язык капитана Карагана это было не характерно. Капитан в данную минуту был занят. Он привстал с сиденья и пристально рассматривал удаляющийся лес. Потом сел на место, подтянул к себе «ППШ» и встретился взглядом с командиром. Постная физиономия Карагана выражала задумчивость.

— Что случилось? — осторожно спросил Кольцов.

— Не знаю, — отозвался Караган, — не по себе как-то стало. Словно кикимора болотная на меня глянула. Почудилось, наверное.

— Болота дальше, — со знанием дела заметил Левицкий. — Здесь обычный лес.

— Значит, леший на меня тарашился, — огрызнулся Караган, — бабайка, анчутка, берендей с Бабой-ягой — кто там еще в наших лесах обитает...

— Кто такой анчутка? — озадачился Левицкий. — Про остальных, кажется, слышал...

— Злой дух, — объяснил Кольцов. — Очень маленький, шерстяной и злобный. За кочкой сидит и по-немецки говорит. Если в следующий раз машину не подготовишь, я лично его поймаю и тебе за шиворот суну.

Караган снова промолчал. Ломаем привычные взгляды, товарищ капитан? Караган опять кого-то высматривал, морщил лоб и даже принохивался. Интуиция у «бывшего интеллигентного человека» работала через раз, впрочем, как и у всех.

Кольцов тоже вытянул шею, прищурился. Яркий свет резал глаза. Местность открытая, до ближайшего лесного массива метров триста. На опушке — густой ковер из клевера с вкраплениями медуницы.

Поваленные бурей осины, подлесок, похожий на можжевельник. Что его насторожило?

Грузовик с солдатами и командирская «эмка» ушли вперед, лейтенант Левицкий прерывисто выжимал газ, сокращая дистанцию.

Внезапно последовал сигнал по колонне: «Всем остановиться!»

Водитель «эмки» высунул в окно руку, сделал круговое движение. Машина встала, заскрипел тормозами грузовик. Левицкий плавно выжал педаль — «газик» послушно выполнил команду.

— Что там? — спросил Караган.

— Да просто остановка, — отозвался Кольцов.

— Мальчики — налево, девочки — направо, — хихикнул Левицкий.

Автоматчики высадились из полуторки, разбежались по высокой траве. Выкрикивал команды молодой начальник охраны в звании старшего лейтенанта. Вышел водитель «эмки», сунул папиросу в зубы. Выбрался отглаженный, как на парад, майор Петров, машинально провел пальцем по крылу машины, проверяя наличие пыли. Вынул из кармана платок, вытер руку. О чистоплюйстве майора Петрова, ненавидящего микробы больше, чем фашистскую Германию, ходили анекдоты.

С заднего сиденья вылез генерал-майор Серов в полевом обмундировании, пристроил на капоте планшет и поманил Кольцова. Майор одернул гимнастерку и зашагал к начальнику.

Серов смотрел исподлобья. Генерал был молод, сорок четыре года, ростом выше среднего, спортивно сложен. Всегда гладко выбрит. В движениях чув-

ствовалась некоторая замедленность. Месяц назад ему в плечо попал осколок мины, от госпитализации генерал отказался — провел в лазарете два дня и вернулся в строй. Рука болела, особенно от резких движений. Знакомый офицер рассказывал: пару дней назад генерал в гневе треснул кулаком по столу и рухнул как подкошенный — подвела забывчивость! Хорошо, нашатырь нашли быстро.

— Вы из отдела контрразведки? — уточнил Серов.

— Так точно, товарищ генерал-майор, — ответил Кольцов. — Начальник третьего оперативного отдела майор Кольцов Павел Игоревич. Вы дали согласие вас сопровождать.

— Помню, — кивнул генерал. — Девичьей памятью не страдаю. Ваш командир полковник Шаманский хорошо отзывается о вашем отделе. Взгляните на карту, Павел Игоревич.

Он расстелил на капоте полевую карту, испещренную пометками, обвел карандашом круг. Масштаб был сравнительно крупный, городок Старополоцк выглядел не просто точкой — просматривались улицы, объездная дорога с юга на Шмарино. Справа в нескольких верстах значилась зеленая котловина, так называемое урочище Галущаны, где почти не ступала нога человека — фактически чаша, окруженная скалами. Окрестные леса, проселочные дороги. Редкие деревни, как правило, заброшенные. На западе прерывистая линия фронта. Замаскированные позиции артиллерийского полка даже на карте представлялись условно; севернее, в густых лесах — 4-я мехбригада полковника Радановского. Между ними — «белое пятно» — обширный лес-

сто-болотистый участок, вдающийся в территорию противника.

Генерал обозначил сектор окружности западнее этого выступа.

— Вот смотрите, майор, по данным разведки, в этот квадрат немцы стянули два танковых полка и несколько батальонов пехоты. Войска расквартированы в деревнях и полевых палаточных лагерях. Согласитесь, это неспроста. Не так уж много резервов у немецкого командования, чтобы затыкать ими столь сомнительные дыры. Такое ощущение, что на этом направлении собирается бронированный кулак.

— Маловат кулак для наступления, товарищ генерал, — заметил Кольцов.

— Зато подходящий для локального прорыва, — возразил Серов. — С какой целью это делается, мы не знаем.

— Но здесь им не пройти, товарищ генерал. Участок болотистый, дорог нет. Даже пехота увязнет. Другое дело — вот здесь, — майор показал пальцем севернее, — дорога вдоль опушки, мимо деревни Гавевка. Или южнее — мимо бывшего совхоза Ключниково. По этим дорогам они и уходили, когда отступали. Рискну заметить, что ваши разведданные устарели: упомянутые вами подразделения скрытно выдвигаются именно к этим рубежам. Есть смысл выслать новые группы для рекогносцировки местности.

Генерал поморщился.

— Этим данным трое суток. Возможно, вы правы. Но разведка работает не только у нас. Мы мо-

жем бесконечно водить немцев за нос, готовя их к мысли, что наступление будет где угодно, только не здесь, но они не дураки. Уверенности у них нет, но подозрения быть обязаны. Это может быть реакцией на наши скрытные приготовления.

— Но к наступлению готовится не только наш корпус, товарищ генерал. Соседние соединения заняты тем же. Однако немцы стягивают резервы именно сюда. Возможен тактический маневр или что-то другое. Для наступления этих сил явно недостаточно. Ну, вклинятся они на два-три километра между 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами, а что дальше? Для захода в тыл им не хватает резервов. Показать, что они еще чего-то стоят? Глупо, не до этого им сейчас. Отвлекающий маневр? Вполне возможно. Но чтобы сделать такой вывод, нужно знать обстановку на остальных участках фронта. Зачем он нужен немцам? В конце концов, если мы занимаемся дезинформацией, что мешает противнику заняться тем же?

Генерал задумчиво разглядывал карту. Две недели назад части механизированного корпуса выбили немцев из района, заняли Старополоцк, продвинулись к западу на восемь верст и встали, ликвидировав опасный выступ. Южные и северные соседи остались на месте.

— В вашем ведомстве, майор, есть зафронтовой отдел — агенты действуют на территории врага. Есть от них донесения?

— К сожалению, товарищ генерал-майор, работа еще не налажена. Мы недавно в этом районе, люди не успели обосноваться. Есть мнение, что закордон-

ные отделы скоро расформируют. Если наступательные операции пойдут активнее, обстановка станет меняться постоянно, и они просто не будут успевать закрепиться. Работу придется перестраивать — в новых условиях это необходимо. А получение агентурных данных с немецкой территории станет прерогативой внешней разведки. Наше ведомство переключается на работу в тылу. Чем хуже ситуация у немцев, тем активнее они отправляют в наш тыл диверсантов. И это не считая уже обосновавшейся ранее агентуры...

— Насколько помню, пару дней назад была попытка проникновения на нашу территорию?

— Так точно, товарищ генерал-майор. Трое суток тому назад. И прошли они примерно здесь, где мы сейчас находимся. — Павел очертил на карте предполагаемый участок. — Через болота есть тропы, ими и пользуется противник. Возможно, привлекает для этого местных жителей. Их было восемь человек, шли в гражданской одежде, их накрыли вот здесь, когда они преодолели четыре километра. О засылке группы сообщил перебежчик. Это могла быть дезинформация, но меры мы приняли. Мы задействовали подразделение НКВД по охране тыла действующей армии, перекрыли проселочные дороги и атаковали диверсантов, когда они остановились на привал. Сдаваться немцы не захотели, отстреливались до последнего, тяжело ранили двух наших бойцов. Последний диверсант покончил с собой. У них нашли отлично выполненные советские паспорта и другие документы на разные случаи жизни.

— Получается, прошли они где-то здесь... — генерал посмотрел на западный лес.

— Это только версия, товарищ генерал-майор. Участок обширный, тропы через болота пока не выявлены. У нас не хватает людей, чтобы отрабатывать все направления.

Генерал погрузился в задумчивость.

Серов был любопытной фигурой. Он успешно воевал под Сталинградом, командуя механизированной бригадой, блестяще выполнял боевые задачи на Курском выступе. Волевой, решительный, одаренный, умеющий нестандартно мыслить и предпочитающий все видеть сам, нежели узнавать по «испорченному телефону». Он никогда бездумно не посылал солдат на смерть, каждую операцию тщательно продумывал. Впереди пехоты ставил бронетехнику, активно применял всю имеющуюся артиллерию, авиацию, предпочитал фланговые охваты и прорывы в глубокий тыл.

В войсках генерала Серова любили. Немцы неоднократно назначали награду за его голову. Но не только на той стороне он имел недоброжелателей. В 1939 году Михаил Константинович, тогда еще полковник, командир бригады в Приволжском военном округе, участник боев на озере Хасан, был снят с должности, лишен звания, наград и арестован. Обвинение было обычным для того времени: шпионаж, измена Родине и подготовка террористических актов. Полгода по тюрьмам и СИЗО, перевод во внутреннюю тюрьму НКВД, ежедневные допросы, пытки, избиения. Генерал никого не сдал и не подписал признания — лишь упорно твердил, дово-